

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 23–28
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 23–28
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-23-28>, EDN: JTAQEU

Научная статья
УДК 811.11/.12'25'42

К вопросу о специфике юридического перевода (на материале немецкого, французского и испанского языков)

С. В. Кудряшова, М. Г. Калинина ✉

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Кудряшова Софья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, sophiaku@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4260-0306>

Калинина Марина Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, mar1976.01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4930-0018>

Аннотация. Юридические термины не являются единообразными на международном уровне, но тесно связаны с соответствующей национальной правовой системой, что подразумевает серьезные концептуальные несоответствия. Эта системная связь приводит к тому, что границы значений терминов из разных юрисдикций или степень их экспликации могут сильно отличаться. Несмотря на некоторые сходства в правовых системах, прежде всего европейских стран, каждое государство имеет свои собственные правопорядок, понятийную и терминологическую систему, специфические правовые нормы, формы и процедуры судебного разбирательства. Целью статьи является анализ основных причин сложностей перевода юридической терминологии с немецкого, французского и испанского языков. Для достижения данной цели в работе были поставлены следующие задачи: проанализировать особенности юридического языка, особенности перевода документов и вопросы эквивалентности при переводе юридических текстов; отобрать примеры из вышеуказанных языков, наглядно демонстрирующие трудности, возникающие при переводе текстов из сферы гражданского и уголовного права, административного и гражданского кодексов и т.д. Проблемы, которые ставятся перед переводчиком вследствие социокультурного содержания юридических терминов, могут быть решены с использованием различных ресурсов. В качестве метода исследования использовался метод сравнения, типичный для сравнительного правоведения. Также были использованы метод непрерывной выборки юридических терминологических единиц французского, испанского и немецкого языков, сравнительный анализ терминов и их переведенных эквивалентов, метод письменного перевода. Результаты проведенного анализа будут полезны для дальнейших исследований юридического дискурса, использования на теоретических и практических занятиях по переводу юридических текстов.

Ключевые слова: перевод, юридический перевод, юридическая терминология, немецкий язык, французский язык, испанский язык

Для цитирования: Кудряшова С. В., Калинина М. Г. К вопросу о специфике юридического перевода (на материале немецкого, французского и испанского языков) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 23–28. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-23-28>, EDN: JTAQEU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the specific features of legal translation (A comparative study of the German, French and Spanish languages)

S. V. Kudryashova, M. G. Kalinina ✉

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Sofya V. Kudryashova, sophiaku@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4260-0306>

Marina G. Kalinina, mar1976.01@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4930-0018>

Abstract. Legal terms are not uniform at the international level, but they are closely connected with a national legal system. This implies serious conceptual inconsistencies. The above-mentioned systemic connection leads to the fact that either boundaries of terms' meanings belonging to different jurisdictions or the degree of their explication may vary. Despite some similarities in legal systems, primarily of European countries, each state has its own legal order, conceptual and terminological systems, specific legal rules, forms and procedures of judicial proceedings. The purpose of the article is to analyze the main causes of difficulties in translation of legal terminology from German, French and Spanish languages. To achieve this goal, the following tasks have been set in the research: to analyze the specifics of legal language and of legal documents translation as well as the issues of equivalency in legal translation; to select the samples from the above-mentioned languages that clearly demonstrate difficulties in translation of texts from such branches as civil and criminal law, administrative and civil codes, etc. The problems a translator faces due to the socio-cultural content of legal terms can be solved by means of various resources. As research methods the authors have used the method of comparison, typical for a comparative law, the method of continuous sampling of legal terminological units in French, Spanish

and German legal texts, comparative analysis of terms and their translated equivalents, and the method of written translation. The results of the conducted analysis will be useful both for further studies of legal discourse and in theoretical and practical classes on legal text translation.

Keywords: translation, legal translation, legal terminology, German language, French language, Spanish language

For citation: Kudryashova S. V., Kalinina M. G. On the specific features of legal translation (A comparative study of the German, French and Spanish languages). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 23–28 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-23-28>, EDN: JTAQEU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Международные отношения интенсивно развиваются, и обмен юридической информацией различного рода между носителями разных языков и культурных ценностей просто необходим. Область юриспруденции является одной из самых сложных для перевода, так как терминология данной сферы знаний тесно связана с нормами и традициями тех языков, в которых она используется, и зачастую терминосистемы разных языков не могут быть сопоставлены друг с другом [1, S. 280]. Важно также понимать, что каждое государство обладает своей правовой системой со специфическими, присущими только ей чертами и традициями [2, S. 119].

За последнее время появилось немало исследований юридических текстов как в нашей стране, так и за рубежом (И. Г. Федотова, 2008; И. Альбрехт, 2013; С. Райнарт, 2009; К. Шмидт Кениг, 2005; И. Ришар, 2005; И. Петру, 2016; П. Лерат, 1995). Так, А. С. Киндеркнехт [3], М. Форстнер [4], А. Борха Альби [5] характеризуют юридический перевод как интерлингвистический процесс и работу между правовыми системами, поскольку невозможно перевести всю смысловую нагрузку юридических текстов без установления сравнений между правовыми системами соответствующих языков.

Актуальность вопросов сравнительного анализа языков в правовой сфере, а также методологии и техники перевода юридических текстов обусловлена значительными изменениями, произошедшими в сфере политических и экономических международных отношений в последние десятилетия.

Перевод специализированных текстов всегда сопряжен с определенными сложностями, особенно в том, что касается интерпретации узкоспециализированных терминов и взаимосвязей. Одним из самых сложных видов перевода считаются переводы текстов и документов из области юриспруденции. Они содержат множество ловушек и тонкостей, с которыми справляются только профессионалы.

Объектом данного исследования является немецкая, французская и испанская терминология. Материалом исследования послужил корпус примеров терминов, полученных методом выборки из конвенций, договорных

документов, кодексов, статей конституций Франции, Испании, Германии.

Хотя юристы часто используют легко понятные слова и термины из обычного повседневного языка, юридические тексты по-прежнему часто кажутся громоздкими и их трудно понять не юристам. Это связано с тем, что юридический язык характеризуется некоторыми специфическими особенностями, которые отличают его от других профессиональных языков.

Абстрактные формулировки гарантируют, что законы и правовые правила могут применяться к различным случаям и фактическому поведению. Таким образом, происходит обобщение, позволяющее юристам одновременно принимать единичные решения.

Трансдисциплинарность также является характеристикой юридических текстов, означающей, что закон распространяется на все сферы жизни и проникает во все предметные области.

Многие юридические термины могут иметь различное значение в зависимости от области права. Таким образом, толкование юридических терминов четко контекстуальное и требует обширного опыта.

Законы, договоры, доверенности, другие юридические документы не только полны специализированных слов и выражений, но и имеют вполне определенный синтаксис. Характерным для юридических текстов является, в частности, чрезмерное использование причастных конструкций и равноправных звеньев предложений, а также непривычный для обычного естественного языка порядок слов. В разных языках синтаксическая структура юридических текстов имеет свои особенности, что обязательно должно учитываться при профессиональном переводе. В качестве примера мы можем привести некорректное использование герундия: *... (el Juez o Tribunal) acordará la remisión de la pena, ordenando la cancelación de la inscripción...* Кажется, судья выносит постановление и согласовывает одновременно, на самом деле он согласовывает «после постановления» [6, с. 21].

При переводе юридических документов профессиональный переводчик обязательно должен обратить внимание и на культурный аспект. В юридических текстах довольно часто

встречаются терминологически-идиоматические фразы и идиомы с ярко выраженным культурным оттенком. Например, *to make default* – 1. не исполнять обязанности, 2. не являться в суд; *Marshal of the court* – судебный исполнитель; *voir dire* – предварительный допрос свидетелей; *indignité successorale* – лишение наследственных прав; *sur un pied d'égalité* – равным образом, *saisir le juge* – обратиться в суд. Переводчик должен не только обладать превосходными знаниями в области юридической терминологии двух языков, но и ориентироваться в специфике двух правовых систем [7, с. 4].

Юридический перевод всегда начинается с неязыкового этапа анализа понятий и исходного текста (внутрисемиотический перевод) и заканчивается фазой лингвистического переноса в текст, созданного на целевом языке (интерсемиотический перевод). Первую фазу декодирования сообщения, выраженного на исходном языке, можно уподобить интерпретации в юридическом смысле, тогда как вторая фаза состоит из межъязыкового перевода в смысле повторного кодирования исходного сообщения. Наконец, именно во время этой второй лингвистической фазы переводчик может мобилизовать целый ряд переводческих методов и приемов: методы дословного перевода, с одной стороны (заимствование, калька, дословный перевод в строгом смысле и транспозиция), и методы косвенного перевода, с другой стороны (модуляция, эквивалентность и адаптация). По мнению Иво Петру, все методы перевода могут быть полезны в соответствующих обстоятельствах [8].

Проблемы, которые ставятся перед переводчиком вследствие социокультурного содержания юридических терминов, могут быть решены с использованием различных ресурсов. Первый из них – это метод сравнения, типичный для сравнительного правоведения. Сравнительное правоведение – это первый шаг к выполнению юридического перевода и преодолению социокультурного барьера, поскольку перевод с помощью кальки может предоставить ложную информацию о первоначальном смысле. С помощью сравнительного права можно избежать ситуаций антинимии и терминологических неточностей.

Например, французские и немецкие термины *contravention* (проступок), *juges de proximité* (местные судьи), *Garde des Sceaux* (министр юстиции), *Cour des comptes* (Счетная палата), *magistrat du siège* (судья), *Leistungsschutzrecht* (нормы права, регулирующие правоотношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений искусства), *Folgerecht* (право на часть от после-

дующей продаже) не имеют прямого эквивалента в российской юриспруденции. В этом случае переводчик стремится передать смысл с помощью функционального аналога, описательного перевода или калькирования с языка оригинала.

Различия между правовыми институтами затрудняют поиск эквивалентов, в этом случае можно прибегнуть к описательному переводу. Например, в связи с отсутствием соответствующих должностей в российской судебной системе термины *juge d'instruction* (следственный судья), *juge de l'expropriation* (судья, определяющий размер возмещения при экспроприации имущества), *juge des référés* (судья по срочным вопросам), *juge de la mise en état* (судья по движению дела) невозможно перевести дословно. Знание функций юридических институтов позволяет переводчику найти эквивалентный термин в другой правовой системе (*le tribunal de grande instance* – суд большой инстанции по гражданским делам). Что касается онимических компонентов (названий институтов, организаций, государственных органов), существуют способы заимствования или калькирования (экзотизмы), т. е. использование термина на языке оригинала с последующим объяснением или дословным переводом (*Le conseil de prud'hommes* – Совет прюдомов).

При переводе Французского кодекса административного правосудия переводчикам пришлось постараться не только передать сам текст, но и дать множество пояснений, замечаний в сносках к тексту, оставаясь в рамках текста закона, который должен быть ясным, точным и не вызывать недоразумений или путаницы. Французский кодекс административного правосудия относится к области законодательства, не имеющего реального, точного эквивалента в российском правовом поле. Например, *cinquante pas géométriques* (пятьдесят геометрических шагов – ст. L521-3-1) составляют во французском праве правовой статус, применяемый к заморским территориям, которые определяют условия принадлежности конкретной территории к естественному морскому общественному достоянию. *Droit de panachage* (панаширование – ст. R232-9) является правом, которое позволяет голосовать за кандидатов из разных списков. *Les entités adjudicateurs — pouvoirs adjudicatrices* (ст. L551-1–551-19) – государственные заказчики – организации, выступающими в качестве продавца от имени государственного заказчика, и все, что связано с этими процессами транзакций от имени государства [9, с. 79].

Элементом выражения обязательства в нормативных текстах является глагол. Выражение

обязательства посредством глагола отражается в настоящем и простом будущем временах, а также в повелительном наклонении. Во французском и испанском языках настоящее время имеет, несомненно, императивное значение. Изабель Ришар иллюстрирует это при анализе ст. 10.1 Конституции Франции: *Le Président de la République promulgue les lois dans les quinze jours...* (Президент Республики должен обнародовать законы через пятнадцать дней...) [10, р. 71].

Следует отметить, что императивность, выраженная в этом постановлении, проявляет свои последствия не только *ad intra*, обязывая президента как главу государства обнародовать законы в течение пятнадцати дней, но также и *ad extra*, предоставляя ему исключительную компетенцию и, следовательно, лишая другие органы государства данных полномочий. В ст. 62 Конституции Испании мы наблюдаем такую же ситуацию: *Corresponde al Rey sancionar y promulgar las leyes*. Императивное значение настоящего времени действует *ad intra*, так что король должен санкционировать и обнародовать законы, а также *ad extra*, что никакая другая власть государства не может взять на себя вышеупомянутую компетенцию, закрепленную исключительно за королем как главой государства.

В испанском, французском и русском языках есть также определенные расхождения в употреблении временных форм глагола. Например, во французских договорных документах глагол стоит в будущем времени, в то время как в русском языке он употребляется в настоящем времени:

Le mandataire transmettra au maître de l'ouvrage les demandes d'acceptation des sous-traitants et fera agréer leurs conditions de paiement. – Уполномоченный представитель направляет заказчику запрос на приемку субподрядчика и утверждает условия оплаты.

Что касается простого будущего времени, в испанском и французском языках оно используется для разработки норм отложенной эффективности, т. е. норм, в которых нет элементов для немедленного применения. Например, в ст. 11 Гражданского кодекса Франции *L'étranger jouira en France des mêmes droits civils que ceux qui sont ou seront accordés aux Français par les traités [...]* и аналогичной ст. 13.1 Испанской Конституции *Los extranjeros gozarán en España de las libertades públicas [...] en los términos que establezcan los tratados y la ley* будущее время способствует отсрочке выполнения постановления, особенно когда вмешиваются международные договоры и законы. Эта отсроченная эффективность обозначается простым будущим временем в качестве вербального маркера обязательства.

При переводе юридических терминов не всегда легко найти полную терминологическую эквивалентность. Для преодоления двусмысленности перевода Пьер Лерат предлагает две формулы:

1) функциональная эквивалентность, которая подразумевает приблизительный перевод (например, *hypothèque* (гарантия, обременяющая недвижимость в гражданском праве) и *mortgage* (гарантия, которая обременяет собственность в целом в общем праве) – оба термина переведены с помощью функциональной эквивалентности «ипотека»);

2) частичная эквивалентность включает анализ семантических характеристик терминов и семантических отношений между ними (многозначность, синонимия, гиперонимия), так называемая эквивалентность по пересечению или по включению [11].

В качестве характерных особенностей немецких юридических текстов обычно выделяют следующие черты: сочетание высокой степени детализации правовых предписаний и системных начал; развитый понятийный аппарат; развернутая система обязательных предписаний, зафиксированная в письменных источниках [12, с. 145]. Вышеуказанные особенности в большей степени обусловлены спецификой формирования германской правовой системы, которая является не вариантом континентального европейского права, а относится непосредственно к германской ветви права.

Проблемы с переводом юридических текстов часто создают различное использование терминов в повседневном и юридическом языках. Гражданское право Германии, например, работает с терминами *Zustimmung* (согласие – общее понятие), *Einwilligung* (согласие до юридической сделки) и *Genehmigung* (последующее согласие), в то время как в повседневном языке эти выражения более или менее взаимозаменяемы.

В юридическом языке, например, проводится различие между юридической силой – *Rechtskraft*, в которой возникают судебные решения, и юридической силой – *Rechtswirksamkeit*, которая относится к соглашениям (контрактам). Другой пример разбавления юридических терминов повседневным языком: гарантия – *Gewährleistung*, которую часто путают с гарантией – *Garantie*. *Gewährleistung* – это обязательство, определенное законом, об устранении недостатков, выявленных во время срока, указанного в законе, а *Garantie* – обязательство, определенное самим продавцом/производителем. Например, продавец новой машины согласно закону

обязан дать гарантию *Gewährleistung* на два года, но согласно договору может дать гарантию *Garantie* на пять лет.

К. Шмидт-Кениг различает внешнюю и внутреннюю многозначность в немецком юридическом языке: большинство юридических терминов в основном имеют разное значение в общем языке. Таким образом, существует несколько значений термина как в юридическом, так и в повседневном языке, что неизбежно может привести к трудностям [13, S. 37–38]. Примером внешней многозначности является термин *Frucht* или *Früchte* – «фрукт» или «фрукты». В общем значении плоды – это урожай земли, зерна и т. д. Однако на юридическом языке этот термин также обозначает «доход» от вещи и права [13, S. 43–44]. Внутренняя многозначность описывает тот факт, что несколько значений термина могут существовать в пределах одного юридического языка. Распространенным примером немецкого юридического языка является понятие вины *Schuld*: в уголовно-правовом смысле вина обозначает предпосылку уголовной ответственности и является причиной преступления. С другой стороны, в смысле гражданского права этот термин относится к обязательству, т. е. «договорным отношениям между двумя или более людьми», например, при заключении договоров [13, S. 51–52]. Немецкие термины достаточно многозначны, особенно если анализировать уголовный кодекс: *Täter* – 1) лицо, совершившее преступление, 2) преступник, 3) лицо, совершившее преступное деяние, 4) правонарушитель, 5) виновный, 6) исполнитель; *Straftat* – 1) преступление, 2) преступное деяние, 3) деяние; *Urteil* – 1) суждение, 2) приговор.

Недостаточный уровень специальных знаний становится еще более очевидным, если переводчик не проводит различия между областями права, такими как гражданское право и уголовно-процессуальное право.

Вот пример из анкеты Министерства юстиции Норвегии [14], который показывает, что переводчик не обладает минимальным уровнем специальных знаний, который был определен выше как абсолютно необходимый:

Auflage zur Abgabe einer Klageerwiderung
[...]

Hat der/die Beklagte Einwendungen dagegen, daß der Fall beim Gericht anhängig gemacht wird, hat er diese in der Klageerwiderung vorzubringen. Der/die Beklagte sollte in der Klageerwiderung auch mitteilen, ob er/sie zu Termin, Ort und Benachrichtigung über die Hauptverhandlung etwas zu bemerken hat, und ob er die Bestellung von Schöffen verlangt.

Заголовок в примере показывает, что контекст – это заявление защиты, и термин «заявление» относится к гражданскому процессуальному праву. Тем не менее, в дальнейшем в ходе перевода речь идет об основных слушателях и народных заседателях, а это уже из терминологии уголовно-процессуального права. Это свидетельствует о том, что переводчик не знает разницы между уголовным и гражданским процессуальным правом.

Анализ основных причин сложностей перевода юридической терминологии в немецком, французском и испанском языках показал, что основные трудности перевода юридических текстов связаны, как правило, с интерпретацией профессиональной юридической терминологии. Способы перевода юридических документов могут варьироваться и комбинироваться, однако переводчику всегда следует помнить не только о различной структуре языков, но, что немаловажно, об этнокультурных различиях правовых систем разных стран, стараясь при этом сохранить структурную близость перевода оригинальному тексту, обращая особое внимание на значение специальных юридических терминов и случаи их употребления в тех или иных ситуациях.

Описательный перевод, дословный перевод, различные методы культурного переноса, добавление смысловых компонентов помогают добиться однозначности и лучшего понимания текста, способствуют устранению нагроможденности и тавтологии, делают текст доступнее рядовым гражданам. Трудности могут быть преодолены путем обращения к большому объему аутентичных документов для выяснения лингвистического окружения термина и его сочетаемости.

Список литературы

1. *Albrecht J. Übersetzung und Linguistik. Tübingen : 2 Aufl. Narr Francke Attempto Verlag GmbH + Co.KG, 2013. 313 S.*
2. *Reinart S. Kulturspezifik in der Fachübersetzung. Berlin : Frank amp: Timme, 2009. 558 S.*
3. *Киндеркнехт А. С. К вопросу о трудностях перевода юридической терминологии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 2 (52). С. 242–246.*
4. *Форстнер М. К вопросу о специальной терминологии в юридическом переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2015. Вып. 14 (725). С. 100–112.*
5. *Borja Albi A. El texto jurídico inglés y su traducción al español. Barcelona : Ariel, 2000. 206 p.*

6. Кудряшова С. В. Современное состояние испанского юридического языка // Лингвометодические аспекты преподавания иностранного языка в вузе : межвуз. сб. науч. тр. Вып.14. Пенза : Изд-во ПГУ. 2019. С. 19–26.
7. Федотова И. Г. Теория и практика устного и письменного юридического перевода. Дубна : Феникс+, 2008. 176 с.
8. Petru I. La traduction juridique: entre equivalence fonctionnelle et equivalence formelle // Etudes romanes de Bmo. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/310659613_La_traduction_juridique_entre_equivalence_fonctionnelle_et_equivalence_formelle (дата обращения: 27.02.2022).
9. Царева М. С. Французский кодекс административной юстиции: опыт перевода (на фр. яз.) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 1. С. 77–81. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.65.1.077-081>
10. Richard I. Les marqueurs verbaux de l'obligation en français et en anglais dans les textes juridiques à fonction normative: quelques pistes de traduction // La langue, le discours et la culture en anglais du droit. Paris : Publications de la Sorbona, 2005. P. 69–86.
11. Lerat P. Les langues spécialisées. Paris : Presses Universitaires de France, 1995. 202 p.
12. Галушка К. Правовая система Германии как элемент романо-германской правовой семьи // Право, общество, государство: проблемы теории и истории : материалы Междунар. студ. науч. конф. (Москва, 27–28 апреля 2018 г.) / отв. ред. Е. Н. Трикоз. М. : РУДН, 2018. С. 145–147.
13. Schmidt-König Ch. Die Problematik der Übersetzung juristischer Terminologie. Eine systematische Darstellung am Beispiel der deutschen und französischen Rechtssprache. Munster : LIT, 2005. 320 S.
14. Husabø E., Asbjørn S. Norwegen // Strafrechtsentwicklung in Europa. Landesberichte 1993/1996 über Gesetzgebung, Rechtsprechung und Literatur / Eser A., Huber B., Hrsg. Übersetzung von I. Simonnaes. Freiburg : Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Strafrecht, 1997. S. 473–562.

Поступила в редакцию 05.05.2022; одобрена после рецензирования 02.07.2022; принята к публикации 21.09.2022
The article was submitted 05.05.2022; approved after reviewing 02.07.2022; accepted for publication 21.09.2022